КРОКОДИЛ

— Тетя Фрося, пройдите по цехам и раздайте передовикам вот эти бумаги.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

В. КАНАЕВ

Монтажники крепили леса, а рядом стояли двое мужчин с открытыми ртами.

— Эй-эй, ворона залетит! — пошутил паренек в пластмассовой каске.

Другой бы кто обиделся, а они ни капельки, только спросили:

— Чевой-то вы такое, ребятки, сооружаете?

— Смотри! Они, наверное, с луны свалились! — дружно загоготали монтажники, но ответили: — Леса, братцы, леса.

— Елки-палки! — хлопнул себя по лбу один из любознательных. — Леса, а металлические... Это что-то новенькое!

— Верно! — подтвердил его собрат. — Надо бы нам внедрить у себя эту новинку.

— Ничего себе новинка — ей в обед сто лет! — улыбнулся молодой монтажник. — А вы, что же, только вчера на свет народились?

— Не вчера, а два года назад, — сказали мужчины и уточнили: — Не мы, конечно, а наш трест...

И они помчались внедрять металлические леса вместо деревянных, на которые уже извели сосновый бор...

А вскоре этих мужчин из загадочного треста можно было видеть на стройке. Они застыли с открытыми ртами возле битумного котла. Под котлом ярко пылала черная жидкость.

— Чем это вы, простите за нескромность, битум разогреваете? — спросили мужчины у рабочего.

— Чем все, тем и мы, — уклончиво ответил тот.

— А чем все? — не унимались любознательные. — Мы-то вот, например, дровами пользуемся.

— Дро-вами? — удивился рабочий. — Дедовский способ. Дровишки свое время давно отгорели, нынче мазут жгут.

— Это что-то новенькое! — переглянулись мужчины.

И они помчались осваивать мазут вместо дров, на которые вырубили целую дубраву...

Пока они осваивают технические азы, сообщим, что дело происходило в Грозном. А любознательными мужчинами были начальник ремонтно-монтажного управления треста «Реммонтажгаззаводы» М. И. Гусейнов и главный инженер Д. С. Исмаилов... Весть об их достижениях долетела до треста. Там страшно обрадовались успехам грозненцев и решили немедленно премировать их. Другой бы долго чесал затылок: за что, собственно, премировать? Но управляющий трестом Р. Н. Мальцев решил вопрос без волокиты: за внедрение новой техники, вот за что! И вот в грозненском РМУ наступила приятнейшая из минут. Захрустели премиальные. Начальнику М. И. Гусейнову и главному инженеру Д. С. Исмаилову отвалили триста рублей, а между остальными работниками РМУ распределили шестьсот семьдесят девять рубликов.

Такие же приятнейшие мгновения переживали и коллеги грозненцев в Башкирии. Там в городе Октябрьском тоже было РМУ треста «Реммонтажгаззаводы». В эту организацию только силачей принимали, потому как разные тяжести: болванки, трубы, ящики — все приходилось на горбу таскать. Ну, а если такое попадалось, что даже самому Василию Алексееву не под силу, бригадой наваливались. Песни тоже здорово помогали. «Э-эй, ухнем!» частенько раздавалось. Но вот как-то раз начальник РМУ А. Х. Хабибуллин и главный инженер В. Г. Макаров заглянули в соседнюю механическую мастерскую. Заглянули — и к месту прилипли.

— Эй, браток, — обратились они к слесарю. — Чего у вас за чудо-юдо под потолком елозит? Подхватит какой-нибудь груз крючком и движется...

— Знамо что, — фыркнул слесарь, — кран-балка. Она у нас почитай лет двадцать верой-правдой служит. Ей уж на свалку пора.

— Кран, говорите, балка? — хлопнули себя по лбу начальник и главный инженер. — Это что-то новенькое!

И они помчались внедрять кран-балку... И смолкли песни в РМУ, зато раздался хруст премиальных...

А потом получали премии за эту «новую технику» в самом тресте — инженеры, снабженцы и даже одна машинистка. Никого, кажется, не обидели. И все же, если вникнуть по совести, то коекого незаслуженно забыли. Ведь внедрил же ктото когда-то и лопату, кувалду, носилки — те самые орудия, которыми до сей поры пробавлялись наши хваткие рационализаторы.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА ДЛЯ НОВЫХ МИКРОРАЙОНОВ

Рисунок **А. ЕЛИСЕЕВА** и **М. СКОБЕЛЕВА**

ВРЕМЕННАЯ ОВЦА

Дорогой Крокодил!
Слыхал ли ты когда-нибудь про временный шашлык? Только он перед тобой был и вдруг исчез, а потом опять возник. Такого шашлыка наверняка нет. Зато у нас в колхозе есть временные овцы. Вернее, для нас, чабанов, они довольно-таки постоянные, но руководство колхоза считает их временными. Вот уже 15 лет просим мы правление колхоза:

— Проведите на ферму воду. Зимой ведь тяжело ее в бочках возить. Люди с фермы разбегаются.

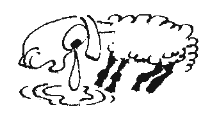
А нам в ответ:

— Овцеводство у нас отрасль временная. Сегодня есть, а завтра нет. Зачем тратиться?

И никак мы не можем доказать, что овца — животное не временное, а постоянное и прижилось у нас. Или 15 лет для нашего начальства — так, пустяк, преходящее мгновение?

Бригада чабанов ОТФ № 3:
А. ОТРОКОВ, И. ГУЛОВ, П. АРХИПЕНКО

с. М-Сарматка, Ростовской области.

Вместо нас

Тут, в Приангарье, а конкретней — в Кежемском районе, произошел случай, настолько удивительный, что руководителю Кежемского химлесхоза показалось, не сон ли все это. К нему в кабинет пришло сразу сто восемнадцать детей.

— Здравствуйте, милые дети,— от неожиданности сюсюкнул руководитель и полез в грудной карман за конфетой «Кис-кис».— Зачем пришли?

Из переднего ряда вышел карапуз, который был постарше, и сурово сказал:

— Мы, товарищ руководитель, хотим взять над вами шефство. Собираемся вам воду таскать, дрова подбрасывать и продукты подвозить.

— Так, так, так,— хотел снова сюсюкнуть руководитель, но на этот раз от удивления у него ничего не получилось.— А вы откуда будете? Вы мне, того, не снитесь? Вы не мираж какой-либо?

— Нет, мы не мираж,— сказал дитячий делегат.— А из вашего же детского комбината. По идее, нашими шефами являетесь вы, но уж лучше оформить это дело наоборот. Так оно пристойней будет.

— Да, да, да,— вспомнил руководитель.— Ах, как мне не стыдно! Ведь это вы действительно вместо нас для себя носите, дровишки санным путем волочите и хлеб-булки на своих «двоих» себе же подкидываете... Так сказать, исполняете нашу прямую святую обязанность...

— Во-во! — загалдели дети.— Заодно возьмем шефство и над стройучастком № 41. Вон оттуда сколько детей. Хотим вместо них сами себе опоясать здание детского комбината верандами. А то стройучасток опять не соберется. Построили с грехом пополам песочницы, а песок в будущем году собираются привезти...

Вот какой совершенно фантастический случай произошел в Кежемском районе, в Приангарье.

П. УСОЛЬЦЕВ,
литсотрудник газеты «Советское Приангарье»

Все гладко!

Люблю я, грешным делом, дорогой Крокодил, в свободное время заниматься на дому всякими поделками из дерева.

Эта любовь привела меня к приобретению шлифовальных шкурок, автором которых является Загорский химический завод и у которых я неожиданно обнаружил оригинальную особенность. При соприкосновении с поверхностью дерева они становятся гладкими-гладкими, покладисто роняя навеки свое покрытие — наждачный порошок. После этого полируй хоть собственный нос, никакого беспокойства не получишь.

Вот уж поистине никак не скажешь, что на этом заводе с качеством продукции не все гладко.

В. СИДОРОВ, слесарь

с. Армизонское, Тюменской области

Вадим ПОЛУЯН

СОК, ВИНО И ФАНТАЗИЯ

«В наших магазинах невозможно достать не только пюре, но даже соки для детского питания, зато круглый год на прилавках — соки с вином».

Н. Славина, г. Якутск.

Чтоб младенец рос высоким,
к пятимесячной поре
мать купила сыну соки
и фруктовое пюре.
Но едва поел и выпил
осчастливленный малыш,
тут же дома стекла выбил
и запел «Шумел камыш...».
Продавец сказал невинный:
«Не избыть таких невзгод,
потому что сок не винный
не завозят целый год».
Хорошо, новатор-мама.
Этой маме горя мало:
приспособила две трубки
к соковарке-мясорубке,
и работает исправно
антивинный механизм:
сок с пюре уходят вправо,
алкоголь стекает вниз.

Рад младенец, папа рад:
«Вот так чудо-аппарат!»

Папе — хмель, сынку —
закуска...

Надо слать заявку в бриз.
Пусть снабженцы из Якутска
выделяют маме приз!

КОЛЬЦО ПО ДЕРЕВУ

Способ определения возраста дерева по кольцам был известен давно, но как определить возраст бетонных колец, валяющихся возле строящихся дорог, никто не знал. Пока ивановцам, прокладывающим дорогу из города Шуя до села Дунилова, не пришла в голову плодотворная идея. Если возраст дерева определяется по кольцам, то почему бы по дереву не узнавать, сколько лет кольцо валялось у дороги. Сказано — сделано. Разбросали вдоль дороги кольца и стали ждать. Результат не замедлил сказаться (см. фото).

Д. ИВАНОВ

Благородный поступок

Житель станции Матай, что в Талды-Курганской области, Николай Иванович Кузнецов однажды утром пошел по грибы. Он нашел несколько маслят — маловато. И судьба решила, по всей видимости, вознаградить Николая Ивановича за скромный «улов». Совсем недалеко от родного железнодорожного узла он обнаружил оборудование целой электростанции! Со своей находкой он обратился в Управление Казахской железной дороги, но там не знали, что это за электростанция и кому она принадлежит. Лежит уже несколько лет в ящиках, а чья — неизвестно.

С большим трудом удалось все же установить, что электростанция принадлежит Кураксускому овцесовхозу. Н. И. Кузнецов любезно вручает свою находку владельцу. Берите — и больше не теряйте.

Е. ПАВЛОВ

Темной ночью жители одной из улиц Владивостока были разбужены пронзительными криками:

— Пожар! Горим!

Полыхал двор продовольственного магазина, заваленный всяким хламом. Вокруг костра суетились тени, по всем приметам — злоумышленники.

— Лови поджигателей! — завопил кто-то.

Однако поджигатели и не думали убегать.

— Постойте, братцы! Войдите в наше положение! Мы не по своей воле сжигаем. Вот прочтите!

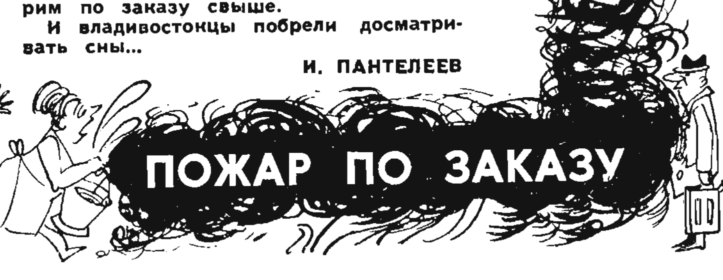
С этими словами поджигатели протянули сбежавшимся жителям листки бумаги. Прочитав их, жители с удивлением убедились, что это не подметные грамоты, а письма начальника «Союзглаввторсырья» В. М. Погосова за № 78-2-2/1618 от 28 апреля и № 78-2-2/2188 от 24 июня 1971 года. В этих письмах, правда, не было ни призыва к пожарам, ни еще чего-нибудь такого ужасного. Там просто владивостокской конторе «Вторсырье» категорически предписывалось не перевыполнять плана по заготовке макулатуры.

— При чем же здесь макулатурный план и ваши пожары? — удивились сбежавшиеся.

— А при том,— снисходительно разъяснили поджигатели.— Куда прикажете девать сверхплановую макулатуру, которой наплевать на различные инструкции и которая знай себе скапливается? Более того, некуда сбывать даже плановую. На 1 августа в складах конторы скопилось 265 тонн макулатуры. Смекаете, что остается делать с отходами магазинам? Жечь. Так что идите спать, граждане, и не паникуйте. Пожар у нас не какой-нибудь стихийный, а запланированный, можно сказать, горим по заказу свыше.

И владивостокцы побрели досматривать сны...

И. ПАНТЕЛЕЕВ

Мих. ЛЕВИТИН

Из всех своих «отцов» Лешка симпатизировал только Брючкареву. И это несмотря на то, что мать строго предупредила:

— Ты, смотри, к Брючкареву особенно не приставай со своими нежностями. И на мозги ему чересчур не капай. К детям он непривыкший. Такого и спугнуть можно.

Но спугнул все-таки Брючкарева не Лешка. Сама мама виновата. Она считала, что Брючкарев, как и все предыдущие мужья, обязательно ее обманывает, и потому в порядке профилактики чуть ли не ежедневно закатывала ему шумные скандалы, транслируя их на всю многоквартирную лестничную клетку.

И вот как-то в одну из очень черных суббот Брючкарев уложил в чемодан-портфель две нейлоновые рубашки, серую комбинированную куртку, носовые платки, сунул туда же электробритву и покинул владения Анны Николаевны Кудлаховой с тем, чтобы уж никогда здесь больше не появиться.

Только поздно вечером Анна Николаевна обнаружила под скатертью на столе записку. В ней Брючкарев писал, что больше «так жить не может», и просил его не разыскивать. Рядом с запиской лежали десять рублей, на которые Брючкарев поручал Анне Николаевне купить Лешке новую буденовку, портупею и торт.

— Вот что значит незарегистрированный! — возмущенно сказала мать.— А адреса своего не пишет. Боится, что я его разыскивать буду. Но ничего, вернется твой Брючкарев. По закону нельзя, так мы его на другой крючок подцепим!

Лешка недоверчиво махнул рукой.

— Ты и про первого папу говорила, что вернешь, и про второго... А они так и не воротились.

Через десять дней Анна Николаевна сообщила сыну, что для возвращения Брючкарева понадобится его помощь.

— Письмо, значит, писать придется? — догадался Лешка и тут же как-то совсем не по-детски решительно произнес: — Не буду на Брючкарева писать! Он хороший.

— Да я разве плохого хочу? — разглаживая Лешкину челку, успокоила Анна Николаевна.— Мы, сыночек, хочешь знать, весь огонь беспощадной критики не на Брючкарева, а на эту аморальную Люську Шубалову направим. Я уж точно знаю. К ней он ушел. Она его своей умственностью приманила. А Брючкарев — мужик современный, бесхарактерный. Ему, видишь ли, интеллигентная мадам нужна, чтобы с кругозором. А я человек простой, в мясном магазине работаю, мне и шести классов хватает. А что касается Люськи, то я все уже заранее разведала. И где она работает, и какой ее адрес.

Анна Николаевна достала из сумки небольшой листок криво исписанной бумаги.

— Тут, сыночек, вся котлетная часть изложена: самое главное. Ты нашу кассиршу Лину Владимировну не раз видел. Так эту болванку мы с ней вдвоем смастерили. Теперь за тобой дело. Факты, как и в прежние разы, возьмешь отсюда, а напиши по-своему, пусть не сомневаются, что ребенок писал. Слезу только подпустить не забудь.

— Мне объяснять не надо,— совсем по-взрослому ответил Лешка, то и дело поглядывая на торчащий из кармана материнского передника кулек с приготовленным для него «Стартом».

Поймав Лешкин взгляд, Анна Николаевна протянула ему конфеты.

— На! Держи! Пока пять штук, вроде задатка. А когда письмо сочинишь, целых двести граммов получишь. Согласно договоренности. И водяной пистолет тоже куплю. Обязательно.

Анна Николаевна ласково потрепала Лешкин подбородок и осторожно, чтобы не стереть дорогую помаду, едва прикоснулась губами к его румяной щеке.

— Старайся, Лешенька. Вся надежда на тебя. Мне бы только этой Люське по нервам как следует тарарахнуть. Чтобы позора побольше хватила. Тогда она и сама Брючкарева от себя прогонит. А ему, известное дело, деваться некуда. На коленках ко мне приползет, прощения просить будет... Вот тут-то я ему и покажу свой характер! Хлебнет он у меня, сукин сын, стопроцентного горя! Узнает что почем!

Анна Николаевна крепко прижала к себе Лешку и визгливо засмеялась. Смех у нее был чересчур громкий, вперемежку с икотой.

От этого смеха Лешке всегда становится страшновато.

— Ну, так я пойду, — объявила Анна Николаевна.— А тебя, сынок, запру на ключ. Дома буду через два часа. Смотри, от дела не отрывайся. К моему приходу чтобы письмо было готово. Набело. И конверт покрупнее надпиши. Завтра по пути на работу я его сама в ящик опущу.

* *
*

В квартире было подозрительно тихо. Анна Николаевна сбросила с себя пальто и наскоро размотала шарф. Прислушалась. Ни звука. «Уж не выбрался ли Лешка из окна во двор? При его сноровке со второго этажа по трубе спуститься — раз плюнуть...»

Она вошла в комнату. Лешка крепко спал, положив голову на стол. Рядом разбросаны листы бумаги. Окно было открыто. «Успел, чертенок, и во дворе побывать, а потом тем же манером вернуться в комнату».

По дипломатическим соображениям Анна Николаевна решила притвориться, что ничего не заметила, и отправилась на кухню подогревать обед.

Услышав волнующий, веселый кастрюльный перезвон, Лешка проснулся, протер кулаком глаза и быстро привел в порядок стол.

— А ты куда ходила? — спросил Лешка.

Анна Николаевна махнула рукой.

— Да так... по всяким делам... Ты лучше скажи: письмо-то написал?

— Угу,— буркнул Лешка.

— Тогда читай,— приказала мать.— Не торопись только. И, пожалуйста, не очень громко. Стены, сам знаешь, какие.

Анна Николаевна закрыла окно на задвижку, опустила толстые портьеры и удобно уселась в кресле.

— «Заводу электрических приборов бытового назначения,— покашливая, начал Лешка,— секретарю партийного комитета, а также главной администрации и председателю завкома. В собственные руки».

— Все точно. Молодец,— похвалила Анна Николаевна и вытащила из сумки кулек с конфетами.

— Как обещала, окончательный расчет. Задаток-то ты утром слопал.

Лешка небрежно засунул кулек в широкий карман штанов и, придвинув переносную лампу, не торопясь, продолжал чтение:

— «Здравствуйте, дорогие дяди и тети! Пишет это свое письмо неизвестный вам Алексей Кудлахов, которому в прошлом году пошел десятый год, а в этом году пойдет уже одиннадцатый со времени его первого дня рождения. Очень я вас прошу, дорогие дяди и тети, помогите мне вернуть своего папу. Фамилия его — Брючкарев, он хороший, и я его люблю. Мы с ним вместе гуляли по выходным дням, и он помогал мне делать уроки. И на лыжах меня ходить научил тоже. А кроме того, он купил мне рыбок и сам вместе со мной их кормил, а потом играл на гребенке, а рыбки под его музыку очень смешно кувыркались.

Только теперь все у нас стало плохо. Мама все время плачет и болеет, у нее часто бывает давление, она ничего не ест и говорит мне, что скоро умрет, а я останусь полукруглой сиротой.

А во всем виновата тетя Люся, ее фамилия — Шубалова. Она у вас работает на заводе, а между прочим, она женщина бесстыжая, отбила моего дорогого четвертого папу у моей первой мамы. Но ей все равно, и она вовсю продолжает нарушать мораль и живет в свое удовольствие.

А когда Брючкарев вернется, мама говорит, что она обязательно передумает лишать себя жизни.

Надеюсь, вы поможете и сделаете так, что Брючкарев снова придет к нам обратно.

И скажите, пожалуйста, Брючкареву, что без него все рыбки умирают, а как их кормить и ухаживать, я не знаю. И с арифметикой у меня снова неважно. Опять я схлопотал двойку. А мама говорит: это все на нервной почве, и виновата тетя Люся, и что ее давно пора подвести под самокритику.

Будьте здоровы. Спасибо за внимание. Остаюсь неизвестный вам Лешка, он же Алексей Кудлахов».

— Про то, что Брючкарев — четвертый папа, вычеркни,— советует Анна Николаевна,— а остальное все — прямо люкс. Вот это письмо так письмо! Очень крепенько получилось, сама не ожидала. А главное, за душу щиплет. Уверена, что подействует. Вот сам увидишь, вернется Брючкарев. Ни чуточки не сомневаюсь. Но уж тогда я его из рук не выпущу, сразу же в загс потащу. Тут ему и хана! Погулял — и хватит! Здесь уж никакие Люськи от нас его никогда оторвать не смогут! Пусть только попробуют! — выкрикивает под конец Анна Николаевна и порывисто целует Лешку, ласково приговаривая: — Одареныш ты мой! Ну что бы я без твоего таланта делала?..

И снова Лешке становится страшно от этих материнских слов.

— Положи в конверт и заклей как следует,— приказывает мать,— а я тушенку из духовки выну.

— Сейчас заклею,— говорит Лешка и, когда мать исчезает в дверях, думает:

«Бедный Брючкарев, оставался бы у этой Люськи, а по субботам дожидался бы меня у школы. Только бы к мамке не возвращался... Нехорошая у меня мамка... Даже дедушка Торчицын говорит, что нехорошая. А уж он все знает без ошибки... На то и водолаз...»

Лешка вытаскивает из конверта письмо, над которым усердно трудился, рвет его на мелкие кусочки, прячет в карман. Потом достает чистый лист бумаги и торопливо пишет крупными буквами:

«Прошу передать эту записку тете Люсе Шубаловой, пусть она скажет Брючкареву, чтобы в субботу подождал меня у школы или зашел бы к нам домой, когда мамы нет. Я очень без него скучаю. И рыбки тоже. А еще пусть тетя Люся передаст Брючкареву, что писал эту записку с пионерским приветом его знакомый Лешка Кудлахов, по прозванию Одареныш».

...Пока Анна Николаевна возится с тушенкой, Лешка успевает положить записку в конверт, надписать адрес и накрепко заклеить конверт. А из открытого окна слышатся крики:

— Лешка-а-а! Выходи скорее! В хоккей сразимся!

— Иду! — отвечает Лешка и, схватив со стола горбушку хлеба, убегает во двор, где его ждут приятели.

г. Ленинград.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО СЕКУНДА»

Так назывался фельетон Л. Ефимова, опубликованный в № 9 нашего журнала. В фельетоне говорилось, что рабочие Киевского авиационного завода, экономя на производственных операциях каждую секунду, теряют многие часы в очередях на обед.

Мы получили отклик на этот фельетон из Киевского горисполкома. Заместитель председателя тов. Баньковский сообщает, что действительно столовая тесна и рабочим приходится тратить много времени, чтобы пообедать.

Приняты следующие меры:

Организована продажа комплексных обедов. Открыт чайный стол. В раздаточные при цехах стали доставлять из столовой горячую пищу. Два павильона отвели под продажу молочных продуктов, кулинарных и кондитерских изделий.

Но главное — то, что на заводе будет выстроена новая, большая, просторная столовая. В ней работники предприятия смогут пообедать, не убивая время на стояние в очередях.

«ЕЩЕ РАЗ О РЕВИЗОРАХ»

В заметке под таким названием («Крокодил» № 19) автор А. Шейнин продолжил разговор о «мертвых душах», начатый им в фельетоне «Покойник на стройке» («Крокодил» № 5).

Судя по платежным ведомостям строительного поезда № Э-4 Главэлеваторспецстроя, на стройках Волгоградской области работали не покладая рук десятки людей, которые регулярно получали зарплату, премировались за отличную работу, а при проверке их в природе не оказалось.

Как сообщает заместитель министра сельского строительства РСФСР тов. И. Семенов, проведенной Главэлеваторспецстроем проверкой вскрыты серьезные нарушения финансовой дисциплины.

За бесхозяйственность, использование служебного положения начальник волгоградского стройпоезда № Э-4 А. Н. Радзивон с работы снят. Главный инженер поезда Колганов предупрежден, что, если не будут устранены недостатки в работе стройпоезда, он будет освобожден от занимаемой должности и привлечен к более строгой ответственности. Начальнику Главэлеваторспецстроя Н. И. Негодайлову указано на необходимость строгого контроля за производственно-хозяйственной и финансовой деятельностью подведомственных главку организаций.

«А ВЫ КАК ХОТИТЕ...»

Под таким заголовком в № 21 мы поместили небольшую заметку о плохом качестве детских колясок, выпускаемых в Калуге.

Директор Калужского металлообрабатывающего завода тов. Котельников сообщает, что выступление «Крокодила» обсуждено на общем собрании рабочих и на заседании технического совета. В текущем году конструкция детской коляски будет модернизирована. Коляска станет красивее, прочнее, удобнее. Маленькие пассажиры будут довольны.

«ПОТЕРЯЛА Я КОЛЕЧКО...»

Купив в московском магазине № 1 фирмы «Весна» обручальное кольцо, жительница Краснодара Любовь Максимовна Плужникова потеряла не только колечко, но и покой. Через некоторое время после покупки кольцо буквально развалилось на части, и пришлось его отправить обратно в магазин. Не прошло и полугода, как магазин запросил покупательницу, что ей хочется получить: кольцо или деньги.

— Конечно, кольцо,— ответила Плужникова.

На этом все и закончилось. Больше она не получила ни ответа, ни привета.

После опубликования заметки «Потеряла я колечко...» («Крокодил» № 20) директор магазина тов. Л. Меркулова сообщила, что случай невнимательного отношения к претензии покупателя обсуждался на общем собрании коллектива магазина. Виновные наказаны. Желание покупательницы выполнено: Любовь Максимовна получила новое кольцо.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

«ЧЕЛОВЕК № 1»

Ответ на выступление журнала («Крокодил» № 21 за 1971 г.) был оперативным и обстоятельным. Некто, подписавшийся за секретаря Ачитского райкома КПСС Свердловской области тов. Корестелева, официально подтвердил, что директор Уфимкинского стекольного завода Громков за счет завода приобрел двухтумбовый стол и поставил себе в квартиру, а деньги списал, как на пиломатериал;

за деньги завода купил лично для себя зеркальный шкаф;

выписал со склада для личных целей фотоаппарат «Зенит-5»;

ублажил нужного человека из министерства заводскими покрышками;

бесплатно ездил в санаторий вместе с не работающей на заводе супругой;

единолично распределял среди верных людей фонд материального поощрения, а с неверными людьми был груб и дерзостен.

Перечень этот можно многословно продолжить, но к чему утомлять читателя? Тем более, что бюро Ачитского райкома решило подождать новых фактов и лишь после этого освободить Громкова от занимаемой должности. Нынче же бюро ограничилось вынесением проказнику-директору строгого партийного выговора.

А читатели шлют в редакцию письма. Читатели любезно приводят в своих откликах и соответствующий пункт Устава КПСС и статью Уголовного кодекса, и выписки из Положения о социалистическом предприятии.

И тут должен публично покаяться автор фельетона. Это он виноват в том, что директор Громков остался, несмотря ни на что, человеком № 1. Ведь это он, автор, закончил фельетон жалостливыми словами: «Хранить и лелеять надо человека № 1».

Хранят... лелеют...

— А если об этом венчании мои друзья-комсомольцы узнают?
— Ну и что? Нам с ними детей не крестить...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА по картине В. Пукирева «Неравный брак»

ПРЕСТИЖ В ПИЖАМЕ

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

Ничто не пало так низко в последнее время, как честь мундира. Ни один из привычных объектов осмеяния, будь то рвач, хронический пьяница или стрелочник, не бежал с газетных полос более потрепанный, чем человек, защищающий честь мундира. В целом наметился перегиб. Мундиров стали бояться. Начали выходить к столам присутствий в шортах и тапочках. Одно же лицо, вызванное, так сказать, на ковер, пришло туда, прикрывая свой ведомственный престиж халатом. Меж тем ни мундир, ни честь не отменены. И это очень правильно. Особенно в юстиции.

А тут один будущий жрец правосудия появился на свет божий и вовсе в пижаме. Он плавно вышел из отеля «Кавказ» и направился к Северо-Осетинскому государственному университету. Ноги будущего жреца были обуты в лаковые штиблеты, вязшие в талом от солнца асфальте. Аромат пирогов, испекавшихся на кухне «Кавказа», плыл к Столовой горе.

Жрец втянул в ноздри этот божественный запах и скрылся в храмовых сводах СОГУ. На юрфаке он вытащил из пижамы заявление: «Прашу прнят мине првий курз веринава вам еритическава фокулте. Автандил Шабаев».

Абитуриент достал гребешок и причесался, глядя на себя в вызывающе блистательные туфли. Поступающего на юрфак не смущала орфография поданного заявления. За миску пельменей в «Кавказе» очкастый юноша сдавал вместо него, Автандила Шабаева, любой предмет. И сами Бархударов с Ушаковым, Фалеев с Перышкиным, Гольдфарб и Сморгонский поставили бы продажному вундеркинду не «пять», а все «шесть»...

Месяц спустя, убивая во тьме коридора плечо о гранитного А. Шабаева, декан юрфака М. Х. Кебеков рассуждал: «Но тот Автандил с экзаменационного фото и этот... Не мог же он так отъесться за месяц в студстоловой?»

А тут на сессию пришел гражданин города Сухуми, человек олимпийской внешности, студент Харчилава. На нем была тропическая рубашка-апаш, от коей исходил жгучий намек плюнуть на все эти кодексы Наполеона и отправиться на пикник к Столовой горе... На вопросы, как прямые, так и наводящие, Харчилава не реагировал и был отринут от юрфака. Декан взял личное дело Харчилавы и протяжно застонал: все вступительные экзамены были каким-то чудом сданы во влажном, гостеприимном Сухуми.

Засим Кебеков вызвал к столу пижамного Автандила. Ради столь опасного случая Автандил Шабаев опростился до плисового сюртука с золотыми пуговицами. Автандил вытащил первый билет и сказал: «Я — пас». Он отказался отвечать и на второй билет, а про третий выразился, что «сел без трех». Кинулись к личному делу и тут же установили, что заявление Автандила о приеме и сочинение написаны разными почерками. Автандил вылетел из СОГУ, как пробка от «Цимлянского».

Декан деликатно допрашивал одного будущего слугу правосудия за другим, и все более прояснялось, что слуги, подобно пресловутому сказочному королю, были как бы нагие. В рядах коллег декана, отвечавших за прием абитуриентов, нарастал глухой ропот.

Декан Кебеков посмотрел на часы, висевшие над зеленым столом, и часы остановились. «Может быть, я что-то недооцениваю,— решил декан, — а возможно, переоцениваю роль будущих юристов и значение чести мундира в хорошем смысле. Поэтому надо создать комиссию...»

— Голубчик,— убедительно роптали коллеги Кебекова тт. Беджанян, Гутнов, Карацев,— вы правда не дооцениваете веления веяний. Это ничего, что данные будущие слуги нагишом. Вы ложно понимаете честь мундира. Ныне за неправильное понимание чести мундира, знаете, что бывает? Смотрите, вы попадете на страницы печати!

Увы, Кебеков не внял ропоту и создал комиссию. Ужас открылся глазам этой группы людей. Во-первых, удалось выяснить, что экзамены принимались совершенно безмундирными и чуждыми юрфакультету людьми. Во-вторых, подчистки в ведомостях, листах и матрикулах тянули на грузовой состав преступления. В-третьих, у многих поступавших вообще отсутствовали какие бы то ни было документы. Если же таковые присутствовали, то были выданы на другое лицо: сплошные поручики Киже, но без формы...

— Наплюйте, коллега,— увещевали Кебекова идущие в ногу с модными веяниями товарищи.— Снимите наконец повязку с глаз. Она мешает широко смотреть на вещи. От нее откровенно разит буквой закона... А за букву, знаете, что бывает? Можно схлопотать выговор от общественности!

Ах, Кебеков, как был в повязке, так и посетил экзамен по госправу. В тот миг, когда его вышла сдать выпускница Суркова в тунике-мини, Соленкова Алла не спела бы так бессмертного «Соловья», как легко спела ответ выпускница.

— Прошу простить,— сказал настырный Кебеков,— но у меня возникают дополнительные вопросы...

Суркова замолчала, как лазутчица, схваченная во вражеском стане. Сам древнеегипетский сфинкс, привезенный во град святого Петра, не смог бы молчать столь бессловесно. И Кебеков задумался, как поступить с рисковой носительницей мини.

— Пренебрегите формой, упрямец! — уже в полный голос призывали коллеги.— Ведь вы же были в повязке и не могли видеть, что билет был подложен Сурковой заранее... Ну зачем вы так привержены всяческой униформе?..

Туча двоечников была выметена из факультетской избы. И среди них — уникальная двоечница Мухина, нахватавшая девять «пар».

— Ах, так, — тяжело дышала обиженная, метя макси-юбкой коридоры гостиницы «Терек».— Ну, он у меня наплачется, этот гадкий, злой мундир...

И Мухина вступила в союз с неудачливой выпускницей Сурковой. Для комплекта привлекли «миди», некую Эмухвари, каковая также потеряла часть баллов в схватке с формализмом. Тройственный союз провел конференцию в номерах отеля «Терек». Было решено: сорвать покров с декана и опозорить.

На следующее же утро, когда тяжело заработала кухня «Кавказа» и голуби, темпераментно воркуя, оседлали крыши СОГУ, коллеги декана получили памятную записку студенток. Одна живописала, как Кебеков пожирал ее алчным взглядом, будто готовясь растерзать. Другая утверждала, что декан склонял ее к поездке в авто на Столовую гору. А третья заявляла, что Мурадин Хасимович домогался. Чего именно — неважно. Домогался—и все.

Накал страстей на юрфаке достиг высшей отметины.

— Ведь вот, смотрите, чего добился этот косный упрямец Кебеков! — с горечью говорили коллеги декана.—Ведь ему советовали! Взгляни он на мир широко, и никто не писал бы гадких заявлений. Нет, нет, надо выправлять положение на юрфаке... А вчера он что наделал?

А вчера Кебеков отчислил одного очень милого молодого человека. Кому мешал мальчик в джинсах своим нехотением вгрызаться в пласты юрнауки? Кому помешал сын уважаемого в городе человека? Никому, кроме Кебекова. Безобразие какое... Ведь увещевали Кебекова, подсылали специальных послов, звонили, говорили, что не надо так огорчать почтенных родителей юноши. Ай-ай-ай, как светло могла устроиться жизнь декана, сорви он повязку, выбрось весы и возьми бокал с «Кахетинским»! Поехали бы все вместе в Казбеги, забили барашка: «С этим маленьким бока... мы пьем... за человеколюбивого, прогресси...»

Нет, решительно вовремя подоспел меморандум трех студенток. Раз-раз, коллеги собрали бюро и вкатили Мурадину Хасимовичу «строгача». Правда, произошла в этом деле небольшая, но неприятная заминка. Узнав о таком обороте дела, студентки чуть не смазали весь вопрос. Проявили трусость: то были против мундира, а вдруг стали «за». Взяли назад меморандум и укатили восвояси. И еще хорошо, что грудью встали на борьбу с формалистикой старшие товарищи, коллеги Кебекова по работе. Невзирая на свое положение в обществе, гипертонию и дороговизну проездных документов, сели в жужжащие самолеты и полетели к малодушным, дабы их устыдить. Правда, студентки опять отказались, но это было уже не так важно. Формализм уже был наказан.

В итоге честь мундира посрамлена до конца. Мундир с декана стащили. Ректорат СОГУ, подправляя положение дел на юрфаке, нашел самый простой и радикальный способ: уволил декана Кебекова от должности и поставил во главе юридического «фокулте» людей, вообще ничего общего с юриспруденцией, с этими ужасными буквами закона не имеющих. Один человек — историк, а другой без всякого ученого звания...

Мурадин же Хасимович Кебеков по-прежнему упрямится. Строптивый! Ему до сих пор представляется, что на пляж или, допустим, в солярий еще способно пройтись в пижаме. Ну, а уж что касается зала судебного заседания, полагает Кебеков, то туда без соответствующей униформы никак не возможно.

г. Орджоникидзе

— Сразу видно, городские: пищевыми отходами питаются.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Сегодня не работается, братцы,
Но докторша не выдаст бюллетень.
Скорее бы неделе закругляться,
Ведь пятница — такой тяжелый день.
Не движется несчастная работа,
Чего-то заедает колесо...
Ох, до чего работать неохота!
До выпивки осталось семь часов...
Закрыл глаза и вижу: раки в пиве—
С таким бы сном минут шестьсот поспать!
А тут еще зачем-то в перерыве
Артистов притащили выступать...
Устроили эстраду прямо в цехе,
Поют и не жалеют голосов,
Но мне сейчас совсем не до потехи:
До выпивки осталось шесть часов...
А ежели начать сейчас кусаться?
Профоргу откусить чего-нибудь,
Подумают, что я свихнулся, братцы,
И, может быть, отпустят отдохнуть...

А вдруг меня отправят в психбольницу
И с психами закроют на засов?
Нет, этот вариантик не годится...
До выпивки осталось пять часов!
И кто придумал в пятницу работу?
Ведь это, извините, чистый брак.
Вот мы же не работаем в субботу,
И в пятницу давно пора бы так.

А там бы сократить четверг и среду,
Была бы не работа, а краса!
Во вторник бы работать до обеда...
До выпивки осталось три часа...
И надо ж, совпадение бывает,
Нарочно не придумаешь, друзья,
Что пятница с получкой совпадает,
А значит, не обмыть ее нельзя!
Дружки уже стоят у «Гастронома»
И ждут меня глядят во все глаза.
Навстречу мне жена спешит из дома...
До выпивки осталось полчаса...
Понятно даже малому ребенку:
В последний день работать нету сил.
Мне надо было сделать шестеренку,
А я им четвертинку смастерил!
А рядом кто-то планы выполняет,
Кого-то на собрание зовут,
И как у них терпения хватает?
До вы-пив-ки ос-та-лось пять ми-нут!

Лев ЛУКЬЯНОВ

ГРАБЕЖ ПО-ЕВРОПЕЙСКИ

Недавно в одной европейской столице я чуть было не стал свидетелем настоящего ограбления банка!

Дело было перед обедом. Прозвенел звонок, служащие банка дружно взялись за бутерброды. Редкие посетители послушно потянулись к выходу. Я тоже.

И вдруг в дверях возник высокий парень в черной полумаске, под которой виднелся грозный багровый шрам. Парень всем показал автомат, и я сразу догадался, что это был гангстер.

— Ни с места! — категорически заявил этот тип в маске.— Кто шевельнется — мигом продырявлю...

Гангстер не спеша проследовал по залу, вошел в кассу и потребовал, чтобы кассир открыл сейф.

— Не имею права! — пискнул симпатичный лысый кассир.— Только под физическим воздействием!

— За этим дело не станет! — пообещал парень и наградил кассира звонкой затрещиной.

Все было, как в кино. Кассир быстро открыл сейф. Бандит достал целлофановый мешок и принялся набивать его аккуратными пачками. Внезапно он бросил мешок и схватил лысого за лацканы пиджака.

— Ты что это мне подсовываешь, старый шут! Господа, вы видите?

— По-моему, это доллары,— осторожно сказал я, не зная, куда клонит этот субъект.

— Это не доллары, это — сплошное свинство! — продолжал гангстер.— Я начинаю операцию, готовлюсь, иду на расходы, рискую, а мне суют доллары! Да какой уважающий себя деловой человек возьмет сегодня эти бумажки. Нет, ты мне давай стоящую валюту: марку, иену, франк, на худой конец — фунт! Но доллары! Кому сегодня нужны доллары, когда их ни в одном приличном месте не берут? Как вы еще не прогорели?

Кассир тем временем начал подбирать валявшиеся пачки.

— Так вы берете доллары или нет?

— Конечно, нет! — заявил человек в маске.— Я подожду, пока у вас появятся более стоящие деньги.

— Заходите на следующей недельке,— любезно предложил финансист, закрывая свой сейф.

И тут в зал ввалились полицейские. Впереди быстро шагал увесистый сержант.

— Эй, Кривой! — позвал он гангстера.— Что ты там ковыряешься? Сколько тебя можно ждать? Нам уже наскучило сидеть в засаде. Как только я узнал, что тебя выпустили из тюрьмы, я начал тебя здесь поджидать...

— Вам, сержант, не повезло. Ограбление не состоялось, меня не за что лишать свободы... В кассе только доллары.

— Вот это номер! — окончательно огорчился страж порядка.— Эти американцы позволяют себе черт знает что! Я рассчитываю на повышение, два месяца торчу в засаде, наконец накрываю тебя, а у них, видите, шатается доллар! Это просто хамство!

Наступила тягостная пауза. Все в раздумье сопели.

— Может, возьмешь немного? — с надеждой спросил полицейский.— Войди в мое положение. У меня семья, дети. Мне так нужны лейтенантские погоны...

— И не просите! —запротестовал гангстер.— Из-за зеленых идти на каторгу! Да что я, враг себе! Пока их удастся обменять — разоришься.

— Что же мне с тобой делать, Кривой?— Полицейский, размышляя, забарабанил пальцами.

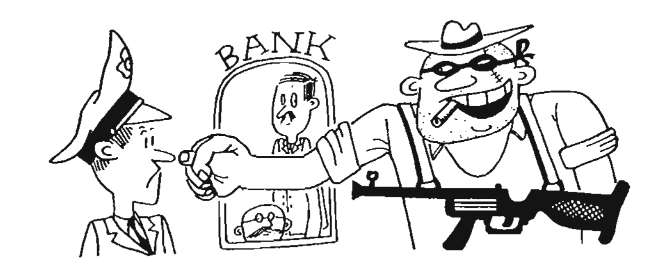
Я снова не удержался и подсказал:

— Господин сержант, вы можете арестовать господина Кривого за побои, которые он нанес этому уважаемому кассиру...

— А ты не вмешивайся в наши внутренние дела!— озлобился гангстер. — Кассир, если желает, может стукнуть мне в ухо, и мы будем квиты. Где это видано, чтобы из-за одной оплеухи порядочного человека забирали в участок?

— Игра не стоит свеч,— согласился сержант...

Кассир съездил по гангстерскому уху, и мы разошлись, кляня этот свихнувшийся американский доллар.

ВРЕМЕНА ПОВТОРЯЮТСЯ...

Дверь кабинета редактора мюнхенской газеты «Байернкурир» приоткрылась, и в образовавшееся отверстие просунулась голова с острой седой бородкой и глазами, в которых застыла почтительная улыбка.

— Я постоянный подписчик «Байернкурир»,— отрекомендовалась бородка и отвесила поклон.

Редактор вскочил со своего кресла.

— Прошу покорно! Чем могу быть полезен?

Постоянный подписчик утонул в кресле, однако тут же ловко выкарабкался, уперся локтями в подлокотники и, оглянувшись по сторонам, нет ли здесь еще кого-нибудь, начал доверительным тоном:

— Хочу вам сообщить, майн гнедигер герр, что, являясь постоянным подписчиком и весьма прилежным читателем «Байернкурир», я обнаружил, что ваша уважаемая газета то ли по ошибке, то ли по недосмотру вот уже несколько раз перепечатала объявления из газет, издававшихся у нас примерно тридцать пять лет назад.

— Но это совершенно исключается! — снова вскочил редактор.— Наш «Байернкурир» печатает только последние, са-мы-е пос-лед-ние новости! Что же касается объявлений, то они печатаются не позже чем на следующий день. Это можно легко проверить!

— Тогда давайте проверим! — заупрямилась бородка.— Вот я захватил с собою сохранившийся у меня экземпляр газеты герра Геббельса от 1939 года. Давайте прочтем вместе: «Немец чисто арийского происхождения, 33 лет, рост одни метр 90 сантиметров, голубоглазый, обладающий капиталом, ищет подходящую жену. Она должна быть чистой арийкой, то есть немкой чисто немецкого происхождения». Прочитали? Теперь давайте прочтем последний номер вашей газеты «Байернкурир»: «Немец чисто арийского происхождения ищет подходящую жену. Мне 37 лет, я голубоглаз, имею приличное состояние. Моя будущая жена обязательно должна быть чистой арийкой, то есть немкой чисто немецкого происхождения...»

— Что вы теперь скажете, герр редактор? — окинул он его победным взглядом.

В ответ тот только рассмеялся:

— Но тут же совершенно разные фамилии. Потом тому немцу было 33 года, а нашему, как вы сами изволили прочитать, 37 лет!.. Как же вы пришли к выводу, что мы перепечатали объявление?

— Я не говорю о деталях! — заявила бородка.— Я это к тому хотел сказать, что, видите ли, герра Геббельса у нас нынче вроде бы нет!

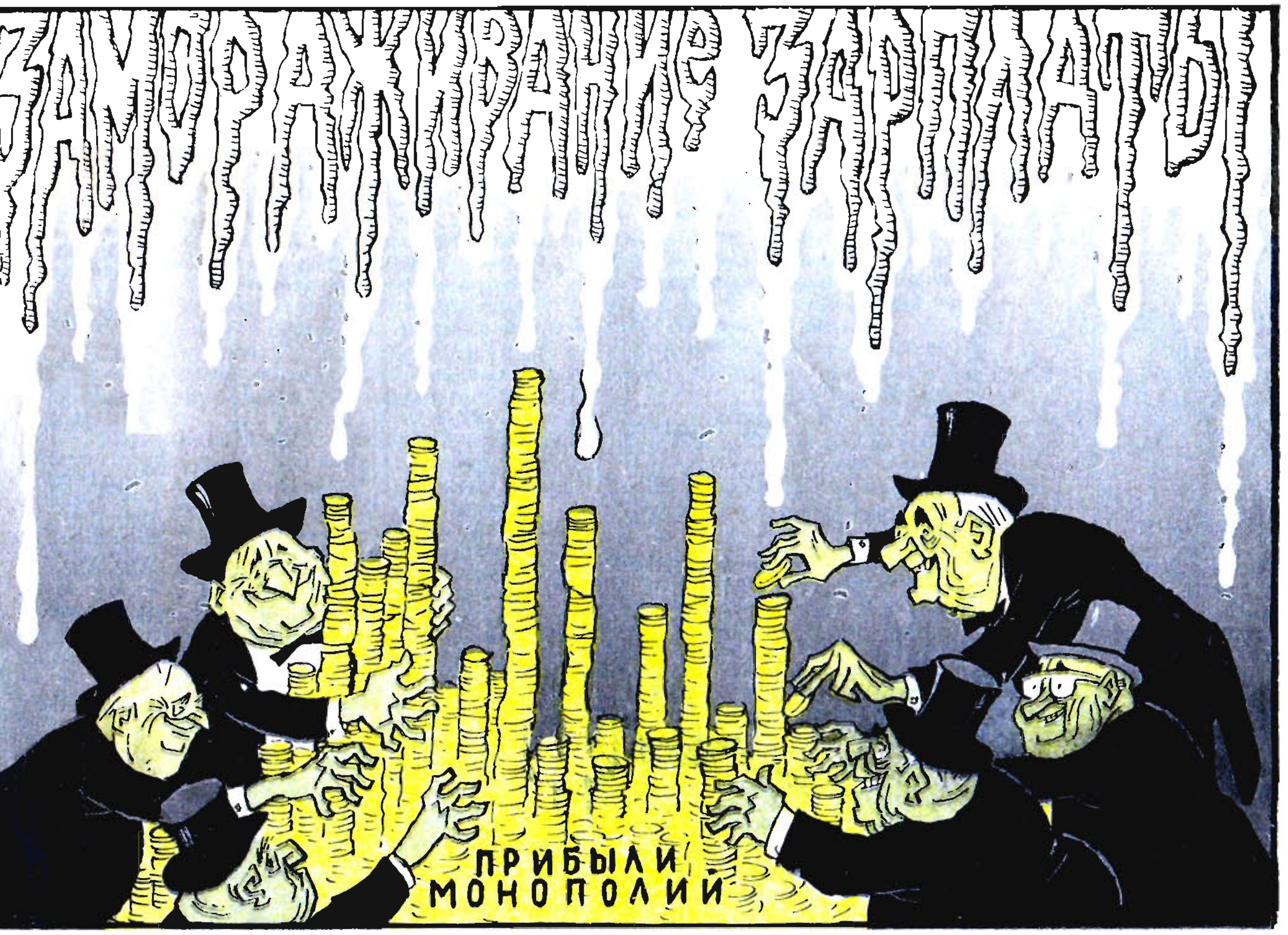
— Верно! — согласился редактор.— Мы и не перепечатали ничего из газеты герра Геббельса! Помилуй бог! Зачем нам Геббельс, когда у нас в «Байернкурир» такой издатель, как герр Штраус? Чем он хуже?

Е. СЕРЕБРОВ

— Да, мой подзащитный наркоман, да, он убил несколько человек, но учтите: он вернулся из Вьетнама!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

СТАЛАКТИТЫ И СТАЛАГМИТЫ

Рисунок М. АБРАМОВА

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Фальшивая монета

В ФРГ разразился очередной скандал: председатель ХСС Штраус самовольно приказал отчеканить 10 тысяч серебряных монет со своим изображением. Дело о противозаконных действиях Штрауса передано в прокуратуру.

Сенсация на боннском небосклоне!
Герр Штраус породил на склоне лет
Идею, как себя прославить в Бонне
При помощи серебряных монет.
Напыщенно и властно сдвинув брови,
Как древнеримский властелин Нерон,
Велел свой далеко не римский профиль
На чистогане отчеканить он...
Ни в чем успеха не приносит спешка,
И нам герр Штраус прояснил не все:
Кто на монете он: орел иль решка?
Иль, может быть, точней — ни то ни се?
Он поспешил и насмешил полсвета.
Не вышел трюк! Артель «Напрасный труд».
Монета Штрауса — фальшивая монета,
Ее и в «Общем рынке» не берут...

Эр. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент Крокодила

«— У нас такого вопроса уже нет,— сказал Паламидов.
— Как же может не быть еврейского вопроса? — удивился Хирам.
— Нету. Не существует.
Мистер Бурман взволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было бы больно.
— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.
— Есть,— ответил Паламидов.
— Значит, есть и вопрос?
— Нет. Евреи есть, а вопроса нету».

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»

Отправили их из разных мест, но в Советский Союз они прибыли одновременно и некоторое время путешествовали вместе. Потом их пути разошлись. Одно доставили в Вильнюс, другое прибыло в Каунас. На первом письме, опущенном в Париже и адресованном гражданке Н., обратного адреса не было. Зато в конверте находилась шестнадцатистраничная брошюрка, отпечатанная на тонкой, похожей на туалетную, бумаге.

Гражданка Н. несколько удивилась. Она вообще не привыкла получать в письмах брошюры, а тем более из Франции. Еще больше она удивилась, когда прочла крупно набранные слова «Отпусти народ мой». Она даже вздрогнула и огляделась. Насколько она помнила, она не прятала в своей малогабаритной квартире ни одного народа и посему даже при желании отпустить никого не могла.

Но, углубившись в чтение, гражданка Н. быстро поняла, что непрошеное послание представляет собой «Декларацию всемирной конференции еврейских общин, посвященной советскому еврейству».

«Ну-с,— сказала гражданка Н., которая по национальности является еврейкой,— посмотрим, что хочет от меня всемирная конференция с ее декларацией».

Конференция и декларация хотели от нее, как, впрочем, и от других советских граждан еврейской национальности, не так уж многого: всего-навсего бросить свою родину и переселиться в Израиль. Поскольку всемирная конференция осведомлена о положении евреев в СССР куда лучше их самих, «Декларация» просвещает их: «В СССР существует антисемитизм и существует еврейский вопрос, как бы ни отрицали это советские власти».

Как тут не вспомнить господина Хирама Бурмана, сиониста-журналиста из «Золотого теленка»? Однако авторы «Декларации» пошли значительно дальше. Элегическая грусть мистера Бурмана их никак не устраивала. Что из того, что «еврейского вопроса» в СССР нет? Если вопроса нет, его следует создать. И его создают на страницах почтово-идеологических посланий в голубеньких конвертах. Свою печатную продукцию сионистские центры Запада пытаются распространять всякими путями и всевозможными способами. «Есть, есть в СССР наш любимый еврейский вопрос! — восклицают они, потирая руки и пряча глаза.— А если есть вопрос, значит, советских евреев притесняют. А ежели их притесняют, то им следует без промедления уезжать в Израиль». Вот так.

А коли так, то можно в конце первого раздела ввернуть нечто библейское, набрав его для пущей важности вразрядку: «Отпусти народ мой».

Тут необходимо воздать должное стеснительности сионистских руководителей. Им, несомненно, очень бы хотелось подписаться под фразой «Отпусти народ мой». Однако, как видим, в интересах маскировочной стеснительности ни одна подпись под библейским призывом не проставлена.

Но мнимая стеснительность мнимой стеснительностью, а в коротенькой фразе уместилось порядочное количество политической беспардонности. «Народом моим» брошюра называет советских евреев. Однако ветхозаветные высказывания плохо согласуются с современностью. Современность же говорит о том, что советские евреи — граждане СССР. Они никого никогда не просили печься об их делах. Но что до этого зарубежным любителям «еврейского вопроса»? Они лезут и лезут со своими непрошеными советами, заботами и замечаниями. Не обращая внимания на то, что эффект всех их стараний пшиковый. Не достигла цели, кстати, и упоминаемая брошюрка. Гражданка Н. с возмущением отвергла ее.

Второе письмо, о котором мы говорили, было от бывшей жительницы Каунаса, которая живет теперь в израильском городе Хайфа. Все письма, полученные от этой женщины ее знакомыми в Каунасе, проникнуты глубоким унынием и тоской. Вот что она пишет: «Очень извиняюсь за такое долгое молчание. Не могу заставить себя писать, так как ничего хорошего нет. Работа тяжелая. Жара опять начинает мучить. Ничего не вижу, только работа и кровать. Ухожу из дому чуть свет, возвращаюсь поздно вечером. Вот такой рабочий денек! А какая грязная, противная работа. И платят за нее гроши». Встреча с капитализмом завершилась для бывшей жительницы Каунаса, как и следовало ожидать, плачевно. «Знакомых не имею,— говорилось дальше в письме,— и не хочу иметь, так как считаю, что моя жизнь кончилась 8 августа 1970 года».

Этот день для нынешней жительницы Хайфы оказался потому роковым, что именно в этот день она выехала из СССР. Я сознательно не указываю имени автора письма из Израиля. Она пишет, что хочет вернуться домой, на настоящую Родину...

А брошюрка между тем вопит о «насильственном удержании трех миллионов евреев»!

Два письма пришли из разных зарубежных городов. Два, казалось бы, совершенно разных письма. Но тема у них одна. В первом делается вид, будто бы советских евреев надобно «спасать» путем эмиграции в Израиль, другое сообщает правду о том, каково приходится на «земле обетованной» тем, кто поддался на сионистские уговоры...

«Отпусти народ мой»... Напыщенные и лживые словеса! Подумайте лучше, господа, о народе Израиля, который вы затащили в болото агрессии и национализма.

Литовская ССР

— Сидоров и Иванова, будете болтать — рассажу!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МИМОХОДОМ

Хотя красоты природы и впрямь неописуемы, это не может служить оправданием для поэтов.

* * *

Был убежден, что для утверждения его собственного «я» требуется резолюция начальника.

* * *

Есть стихи, которые звучат оригинально только в переводах.

* * *

Если судить по количеству высказываний «черт знает», то черти являются величайшими энциклопедистами.

* * *

Невеста забраковала подвенечное платье: оно было шито белыми нитками.

Ц. МЕЛАМЕД

В столовой так медленно обслуживали, что пришлось сменить часы на календарь.

* * *

Полотеры работали на скорую ногу.

* * *

Вместо таблички «стол не обслуживается» хотелось бы прочесть «стол не обсчитывается».

* * *

В меню был обширный выбор отсутствующих блюд.

* * *

Дабы не искушать судьбу, месячник культурного обслуживания решили провести в три дня.

С. МАРКОВ

Поэт водоизмещением в пять томов.

* * *

Человек лишился хвоста, но, увы, не разучился вилять им.

Е. ЛУКЬЯНЕНКО

О столетнем дереве, любовной переписке, лягушке-людоедке, космическом керогазе и прочем, прочем, прочем...

Евгений ДУБРОВИН

Все началось с того, что бабушка Анисимова, проживающая в городе Уфе, по улице Вокзальной, дом 41, кв. 3, взяла кошелку и пошла купить хлеба, кефира, а может, еще чего. Нам это неинтересно, поскольку к делу не относится. Не успела бабушка сделать нескольких шагов, как рядом упал сук. Бабушка Анисимова догадалась глянуть вверх. Вверху стонало и скрипело пенсионного возраста дерево.

«Если упал сук,— подумала бабушка,—то может упасть и все дерево. Упадет—провода порвет. Да, не дай бог, из людей кто рядом окажется. Спилить бы надо дерево».

Не откладывая дела в долгий ящик, бабушка тут же написала письмо в редакцию республиканской газеты «Советская Башкирия». Так, мол, и так, дорогие товарищи, стоит у нас во дворе дерево, пользы никакой, а того и гляди может упасть, задавит когонибудь.

Получив письмо бабушки, редакция, как и можно было предполагать, не схватила пилы, топоры и не помчалась валить дерево, а направила письмо для принятия мер. В райисполком Советского района. Так, мол, и так, стоит во дворе дерево, пользы никакой, а того и гляди может рухнуть, задавит кого-нибудь. Спилить бы надо дерево ко всем чертям.

Райисполком, как вы уже, наверно, догадались, ничего не ответил. Райисполком — организация солидная, у него своих дел хватает, а тут дерево какое-то, хоть и столетнее.

Не дождавшись ответа из райисполкома, бабушка Анисимова, как вы уже, наверно, догадались, опять села за письмо в редакцию, ибо в редакциях хоть отвечают. На этот раз оно направлялось в Москву, в «Гудок». Поскольку «Гудок»— газета железнодорожная, а улица, где растет дерево, называется Вокзальной. Так и так, мол, дорогие товарищи, стоит у нас дерево... И так далее.

Прочитав письмо, москвичи тем более, как и следовало ожидать, не кинулись в фирменный поезд «Башкирия», чтобы мчаться в Уфу валить там дерево по улице Вокзальной. Они направили послание бабушки Анисимовой для принятия мер. В отдел гражданских сооружений Башкирского отделения Куйбышевской железной дороги. Дерево ведь гражданское сооружение. Так, мол, и так, дорогие товарищи, пишут вам из Москвы. Есть там у вас в городе Уфе улица Вокзальная, а на улице стоит дом № 41. Так вот, во дворе этого дома растет дерево. Дерево в любой момент может упасть, не дай бог, кто будет идти мимо... Короче, дерево надо спилить.

Ознакомившись с письмом, как вы уже, наверно, догадались, сотрудники отдела гражданских сооружений не вскочили в дрезину и не помчались выкорчевывать дерево, хотя бы по той причине, что располагались в той же Уфе, по улице Карла Маркса, 69. Они направили кипу документов по делу о дереве в Уфимскую дистанцию гражданских сооружений. Дерево ведь гражданское сооружение. Получив письмо, сотрудники дистанции, как вы уже, наверно, догадались...

В общем, как вы уже, наверно, догадались, дерево так никто и не спилил, и теперь это письмо лежало передо мной. Я был последней надеждой бабушки Анисимовой.

Кроме того, я был последней надеждой еще нескольких людей.

Гражданин К., проживающий в городе Киеве, возвращался домой с реки, споткнулся на деревянной лестнице и ушиб ногу. Виной всему оказалась оторвавшаяся доска. Как вы уже, наверно, поняли, гражданин К. тут же принял меры. Написал жалобу в горкомхоз. Горкомхоз сплавил это дело кому-то, тот еще комуто, тот еще кому-то. Тогда гражданин К. подключил редакции газет. В общем, завязалась оживленная переписка, которой не видно было конца. А доска между тем продолжала быть оторванной. Последней надеждой был я.

Еще более тяжелый случай произошел у гражданки В. Совершенно случайно в столе супруга, верность которого была со «знаком качества», гражданка В. обнаружила интенсивную переписку с незамужней женщиной. Как вы уже, наверно, уразумели, потрясенная жена тут же сняла копии с писем и немедленно разослала в различные инстанции. Между инстанциями затеялась оживленная переписка. В общем, все шло нормально, но тут то ли муж вымолил прощение, то ли само собой дрогнуло женское сердце, но супруги вдруг помирились. Жена уже было разослала в инстанции телеграммы с просьбой дело прекратить, а переписку вернуть, но тут обнаружилось в другом месте, в сундуке, продолжение переписки, и дело вспыхнуло с новой силой. Время шло, супруга все не наказывали, и это тревожило и огорчало любящую жену.

Затем требовалась срочная помощь гражданину К. из Воронежа. Гражданину К. кто-то каждую ночь стучал металлическим предметом по водосточной трубе. Гражданину К. казалось, что это стучит гражданин В., проживающий этажом выше. Но гражданину В. тоже стучали по ночам металлическим предметом по водосточной трубе, и ему казалось, что это стучит гражданин К. Как вы уже, наверно, смекнули, гражданин К. написал на гражданина В., а гражданин В. в долгу не остался. Создали комиссию, которая состояла из двух подкомиссий. Одна подкомиссия ночевала в квартире гражданина К., другая — у гражданина В. Комиссия проспала три ночи и установила: за время, проведенное у гражданина К. и гражданина В., никто по водосточной трубе не стучал. Значит, нарушителями тишины был кто-то из гражданинов К. и В. А скорее всего они оба. Стороны остались недовольны работой комиссии и накатали на нее жалобы. Пришла уже более компетентная комиссия, которая установила... И так далее, и до бесконечности, и ничего конкретного.

Ждал помощи и гражданин Я. из села Новая Усмань. Гражданин Я. услышал, что в окрестностях села, в камышах, водится огромная, величиной с человека лягушка. Как вы уже, наверно, догадались, гражданин Я. послал запрос в Академию наук, а заодно копию в Министерство внутренних дел, поскольку каждому ясно, что появление такой огромной лягушки опасно для жизни человека. Ни академия, ни МВД не ответили по существу, а отделались бюрократическими отписками. Гражданин же Я. хотел ответа по существу.

И, наконец, у гражданина Р. до 12 часов ночи керогаз работал как керогаз, а после 12 часов принимал сигналы инопланетных цивилизаций. Как вы, наверно, поняли и в этот раз, гражданин Р. не преминул сразу уведомить все ту же многострадальную Академию наук, центр дальней космической связи, а также ООН. Ни одна из трех организаций не заинтересовалась приемом инопланетных сигналов. Последней надеждой был я.

Все случаи были, конечно, тяжелые и все требовали немедленного вмешательства. Но все-таки перечисленные заявители могли немного подождать, особенно тот, с керогазом. За исключением бабушки. Дерево скрипело, раскачивалось и каждую секунду могло рухнуть кому-нибудь на голову. Надо было что-то срочно предпринимать. Но что? Не лететь же в самом деле в Уфу с топором и пилой. Посылать письмо бабушки Анисимовой для принятия мер — значит рисковать затеять переписку по второму кругу, а она и так уже идет с 13 января 1971 года.

И вдруг меня осенило. А не написать ли письмо дворнику дома, где это дерево. Мол, так и так, дорогой мой человек, есть к тебе убедительная просьба. Сруби, пожалуйста, к чертовой бабушке надоевшее дерево. И дело доброе сделаешь, и переписка прекратится.

Я уже было взялся за ручку, но потом задумался. Дерево-то он, конечно, срубит, но... несолидно как-то обращаться к дворнику, немасштабно. Да и отвлечешь человека от дела. Я пододвинул листок бумаги и твердой рукой написал: «В Совет Министров СССР...»

Что я написал, вы, наверно, уже догадались.

Анатолий ЖИТНИЦКИЙ

Безразмерное

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

В. Соколов

Друзей имею массу—
Ну просто спасу нет!
Со мной всегда Некрасов
И Афанасий Фет.

И лишь друзья почуют,
Что где-то я иссяк,
Они меня врачуют
Хореем натощак.

Взгляните хорошенько
На общий наш портрет:
Вот Женя Евтушенко
И Афанасий Фет.

Мне колют амфибрахий
И ямб дают глотать...
И убегаю в страхе
Я от друзей опять.

И я дышу глубоко,
Анапестом согрет.
Со мною Виктор Боков
И Афанасий Фет.

Я люблю тебя, сон!

Я спал, постелью хвойною исколот...
. . . .
Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь!..
. . . .
Бывает днем, не по часам,
Заснешь случайно в кои веки,
И сколько спал — не знаешь сам,
Когда потом поднимешь веки.
. . . .
Я спал на свежем клевере, в телеге...

К. Ваншенкин

Я спал на хвое и листве,
На досках, клевере, матрасе,
Я спал на скошенной траве
И на оседланном Пегасе.

Я спал на солнце, под дождем,
Спал на морозе и на пляже,
Спал под кустами, под огнем,
Спал на тахте, на вернисаже.

Я спал под именем своим,
Давил подушку анонимно...
Я сон ужасно полюбил,
И я надеюсь, что взаимно!

Мих. РАСКАТОВ

МУЗЫКАЛЬНО-ПАРОВОЗНОЕ

«Поезд вздрогнет, потом закричит.

...Поезд выдохнет хриплый гудок
От избытка паров и кручины.

...Поезд выдаст им верхнее «до»
От избытка кручины и пара».

Алексей Дидуров «Поезд»

Между прочим, отмечу всерьез
Факт, возможно, для вас небывалый.
У меня был сосед Паровоз,
Очень добрый и ласковый малый.
Голосистее в нашем дворе
Отродясь не встречали соседа,
Как возьмет на заре ноту «ре»,
Так и тянет ее до обеда.
А потом переходит на «ми»
И все так же протяжно и яро
Тянет «ми» с четырех до восьми
От избытка восторга и пара.
День за днем он на зорьке встает,
Одевается строго по форме
И свои серенады поет
Даме сердца — прекрасной Платформе.
Но однажды в густющем дыму,
Спасовав перед лютым морозом,
Изменила Платформа ему
И умчалась на юг с Тепловозом.
Молодцу-Тепловозу лафа,
Он вокалу обучен на славу!
Может выдать и верхнее «фа»
И пропеть, если надо, октаву...
Чтоб измену скорей позабыть,
Паровоз, очень добрый когда-то,
Начал гикать, горланить, вопить.
Хоть благим, но, однако же, матом,
И отныне, ночами скуля,
Он настолько отчаянно болен,
Что, не в силах брать чистое «ля»,
Ограничил себя ля-бемолем.

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Рисунок И. СЫЧЕВА

«БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ!»

Именно так, а не как-нибудь иначе называется обозрение в двух актах и десяти картинах с прологом и эпилогом, которое поставил Московский театр миниатюр.

Обозрение можно было бы даже назвать сатирической диссертацией на тему: «Что такое счастье?». Кстати, первая картина так и называется — «Институт счастья». Что касается остальных картин — «Коварский и любовь», «Тот, кто получает пощечины», «Хлеб, любовь и фантазия»,— то и они, как вы понимаете, имеют самое прямое отношение к тому же счастью.

Как и водится в обозрениях подобного рода, на сцене то и дело появляются всевозможные сатирические герои, с помощью которых автор Владимир Поляков бичует всевозможные пороки и недостатки.

ГЛАЗАМИ ВЛЮБЛЕННОГО

посмотрел писатель-искусствовед Ю. Дмитриев на эстраду и цирк. И от этого взгляда в издательстве «Искусство» родилась книга «Эстрада и цирк глазами влюбленного».

Если прочесть ее, то сразу же можно узнать «О мелочах и главном на эстраде» и уж никогда не ошибешься в споре о том, кто «самый знаменитый комик».

Если прочесть ее, то можно вновь познакомиться с любимыми Юрием Никулиным и Аркадием Райкиным. И узнать «О цирковом режиссере и забытых традициях», а также «О некоторых весьма важных для цирка делах».

В общем, остается только выделить из своего бюджета 1 руб. 14 коп. и купить эту увлекательную, украшенную многочисленными фотографиями книгу.

ДВА ШВЕЙКА

объявились недавно в Москве. В зеленых мундирах и грубых солдатских ботинках они появляются перед москвичами и гостями столицы ровно в 19 часов. В один вечер героя прославленного романа Ярослава Гашека представляет заслуженный артист РСФСР Н. К. Прокопович, в другой — артист В. Б. Носик. Премьера веселой пьесы «Похождения бравого солдата Швейка» состоялась недавно в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина.

По сцене движется множество тех, кто считает себя умниками: и слабовольный поручик Лукаш (артист Р. М. Вильдан), и подпоручик Дуб (артист Ю. А. Стромов), и Баронесса (народная артистка РСФСР Л. О. Гриценко), и многие другие. Они пытаются пускать пыль в глаза и изображать на медных лицах мудрость.

— Господа,— спрашивает своих коллег вечно пьяный и напыщенный Полковник (народный артист РСФСР Ю. И. Аверин),— знаете, почему сегодня среда? — И сам же поясняет: — Потому что завтра четверг, господа!

Каждый из этих «умников» не преминет при случае спросить:

— Вы идиот, Швейк?

— Так точно, идиот,— отвечает Швейк с самым серьезным видом.

Но зрителя не проведешь. Зритель давно уже знает, кто здесь на самом деле идиот...

Остается только добавить, что спектакль поставлен заслуженным артистом РСФСР О. Я. Ремезом, художник — Б. А. Мессерер, композитор — Н. Н. Каретников.

«ЛЮБОВЬ И РОБОТ»

Расскажем все по порядку. Сашка Ситник — это не тот человек, о котором мы хотим рассказать. Евгений Наумов — это тот, чьим другом был Сашка Ситник.

Но Евгения Наумова мы коснемся лишь постольку, поскольку он является автором новой книги «Любовь и робот».

Вы можете не спешить ее покупать, если вам неинтересно, что случилось после того, как Он и Она встретились в доме отдыха, и чем все кончилось, когда вмешался робот; если вас не волнует, почему чуть не умерли с голоду на острове шесть литературных критиков; если вы не хотите узнать, где находится село Шелкоперово и тот самый погреб, после двухнедельного заточения в котором вы научитесь бегло говорить на французском, английском, старославянском, хинди, урду и других языках.

Вы спросите: а при чем здесь Сашка Ситник?

Сашка Ситник — тот самый друг, который в самом начале литературной карьеры Евгения Наумова сказал ему: «Единственное средство, с помощью которого можно заставить читателя прочесть столько страниц скучного текста,— это сделать их веселыми».

С тех пор Евгений Наумов мало того, что о самых невеселых вещах пишет весело, он еще заставляет улыбаться и читателя.

Книга «Любовь и робот» вышла в этом году в Дальневосточном книжном издательстве, а иллюстрации к ней сделал художник И. Оффенгенден.

— Пожалуйста, позвоните на работу и предупредите, что задержитесь...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

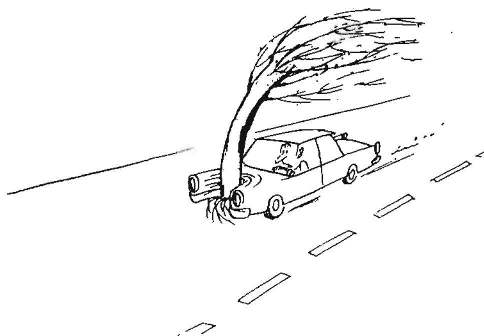
А. АЛЕШИЧЕВ

АВТОПРИКЛЮЧЕНИЯ

— Клава, главное — не забудь чемоданы с провизией!

— Мне только зажигалку заправить!

— От самого леса меня мираж преследует!

Вл. КОТЕНКО,
литературный сотрудник газеты «Молодой коммунар»

Чудесное превращение гр-на Попова

Житель города Воронежа, пассажир гр-н Попов стоял на автобусной остановке и проклинал автоколонну № 1748. Вот уже целый час не было ни одного автобуса. Когда пошел второй час отсутствия присутствия автобуса, у гр-на Попова совсем сдали нервы. Он топнул ногой и сказал:

— Эх, будь я шофером!

Нога, наверно, попала в волшебное место, ибо в тот же миг гр-н Попов превратился в шофера и переступил порог автоколонны № 1748.

Шофер Попов тут же начал готовиться в рейс по городу. Нажал на стартер. Машина сыграла в молчанку. Даже не фыркнула.

Если ты сломался, самое главное — стать на яму. В автоколонне их всего две, поэтому опытные водители, получив новые автобусы, первым делом занимают очередь на ямы. Когда сломаешься, и черед твой подойдет. Но что такое яма без трезвого слесаря? Конечно, найти его можно, но, пока найдешь, он уже напьется.

Шофер Попов нашел слесаря, а тот ему сказал:

— Не буду же я подшофе делать то, с чем не стал возиться трезвый. Это по технике безопасности не положено. Теперь жди, пока я зачну похмеляться. А ты пока приготовь запчасти.

Шофер Попов побежал в кладовую.

— А что такое запчасти? Первый раз слышу, — удивился кладовщик. — Ты куда обращаешься? Ведь это же кладовая. Вон видишь, Петька пошел позаимствовать себе мотор у Сидорова, который отправился за Витькиным карбюратором? Так вот ты Петьку разукомплектуй.

Шофер Попов полез к Петьке в машину, а тот — стреляный воробей — все, что можно, в кармане с собой унес, четыре колеса припрятал и раму тоже. Идет домой и задний мост за собой тащит.

Стала шоферу Попову надоедать такая невидаль.

— Баста, пойду к самому жаловаться,— решил.

Входит в контору, спрашивает у секретарши:

— Кто у нас нынче начальник?

— Да утром был Бровкин.

— Я тебя про данную минуту спрашиваю.

— Не знаю.

Кинулся шофер Попов к административной двери, а в проходной уже крики:

— Караул! Держи его! И этот сбежал.

Шофер Попов набросился на секретаршу:

— Ты что же не уберегла? Садись на машину и — газу!

А та вся в слезах:

— Не догоню. Они почти все на приколе!

Начальство в автоколонне № 1748 течет как вода. За несколько лет здесь сменилось два директора, два главных инженера, пять главных бухгалтеров (себе зарплату начислять не успевают, не то что другим), а мастеров и вовсе не счесть. Текучесть нижестоящих кадров в автоколонне велика. Но утешает одно — текучесть вышестоящего звена еще выше.

В общем, шоферу Попову пришлось брать аудиенцию у нового начальника. Вошел грозно. Кулаком по столу:

— Почему до сих пор крытого гаража нет?

Начальство мудро отвечает:

— Потому что не построили.

— А почему не построили?

— Потому что некому, не из чего и нечем. Вот ты садись на мое место — сам увидишь.

Сел Попов на место начальства, но долго не просидел. «Сельхозтехника» запчастей не дает. Местный авторемзавод такой ремонт закатывает, что двигатель хоть на другой день вези обратно. Горисполком обещал и еще обещает создать жилищный кооператив для укрепления кадров автоколонны.

— Уж лучше быть пассажиром! — воскликнул гр-н Попов.

И в тот же момент опять превратился в пассажира в очереди на автобусной остановке. Желающие и сейчас могут увидеть его на том же месте. Стал, так сказать, достопримечательностью города.

г. Воронеж

Арк. ИНИН, сценарист,
Л. ОСАДЧУК, работник Харьковского телевидения

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Есть в городе Харькове, как сейчас любят писать, одноименный кинотеатр «Харьков». В этом кинотеатре недавно шли «Три мушкетера». Если уточнить, то три мушкетера, конечно, не шли, а скакали по экрану на своих великолепных конях. А если уж говорить совсем точно, то из трех мушкетеров скакал по экрану только один, а двое других скакали по колоннам.

Ну вот, кажется, уточнили мы все до предела, а все-таки чувствуем: нужны еще дополнительные пояснения. Дадим их. Дело в том, что кинотеатр «Харьков» построен неплохо, но давно. Еще во времена тогда нормального, а нынче узкого экрана. И зал кинотеатра соответственно узкий и длинный, с двумя несущими импозантными колоннами по бокам экрана.

Со дня построения кинотеатра прошло немало лет, и за эти годы хитроумные изобретатели придумали и даже пробили в жизнь широкий экран. Прыткие кинорежиссеры, которым только дай развернуться, немедленно стали снимать широкоэкранные фильмы. А прокатчикам уже ничего не оставалось, кроме как «прокатывать» эти фильмы в кинотеатрах. В том числе и в кинотеатре «Харьков».

Экран здесь по этому случаю сделали новый: повесили простынку пошире — не от колонны до колонны, а от стены до стены, позади колонн. Но стены-то не раздвинулись, и колонны тоже остались на месте, скрыв за собой края нового — «широкого» — экрана.

Вот почему двое мушкетеров из трех покорно скакали по колоннам. Вот почему благородный д'Артаньян еле дотягивался с экрана шпагой до подлеца Рошфора, ускользнувшего на колонну. Вот почему, когда режиссер имел неосторожность дать крупный план очаровательной леди Винтер в углу кадра, то один ее глаз был на экране, а другой подмигивал нам с колонны...

Вообще-то говоря, это — довольно смешное зрелище. Но нам было не смешно. Не смешно хотя бы потому, что в кинотеатре «Харьков», кроме «Трех мушкетеров», идут еще и «Шестое июля», и «Твой современник», и «Король Лир».

Не смешно и тогда, когда в другом кинотеатре герой фильма неожиданно начинает смешно хрипеть, завывать или блеять «буратинным» голоском.

И не смешно, когда в третьем кинотеатре фигуры актеров смешно расплываются, теряют свои очертания, а то и вовсе подозрительно двоятся.

И просто грустно, наконец, когда в четвертом кинотеатре все происходящее на экране вдруг начинает смешно дергаться, мельтешиться, и в зале вспыхивает свет — порвалась пленка.

Не смешно все это потому, что мы знаем, как создавали произведение искусства его авторы. Сколько искал режиссер выразительную композицию кадра и бился над идеальным ритмом монтажа, а тут полкадра вылезает на колонну, и ритм определяется тем, как часто рвется пленка! Сколько дублей сделал кинооператор, чтобы добиться тончайших нюансов в освещении и фокусировке, а тут — на экране серое, смазанное месиво! Сколько вслушивался в свои наушники звукооператор, добиваясь чистого и точного звучания, а тут — «то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя!».

Понятно, что часть вины за это лежит на аппаратуре. Понятно, но не очень. Мы бы даже сказали, совершенно непонятно, почему в век кибернетики и космических полетов, в век сложнейшей и совершеннейшей киносъемочной аппаратуры проекционная остается примерно на уровне патентов Эдисона и братьев Люмьер.

Все это действительно непонятно, но мы хотим поговорить о другом. Как-то принято считать, что в искусстве есть только две высокие договаривающиеся стороны: Художник и Зритель. Задача Художника — творить произведения искусства. Задача Зрителя — воспринимать эти произведения с одобряющими аплодисментами или с отвергающим свистом. Хорошо бы, если так, но, к сожалению, это не так! К сожалению, между Художником и Зрителем стоит некто Третий, причем далеко не лишний!

Этот Третий не только не лишний, но даже необходимый. Пусть он числится не в штате творческих работников, а в штате административно-технических. Пусть он не член Союза кинематографистов, а просто член профсоюза — директор кинотеатра, или техорук, или киномеханик. Пусть! Но от его нетворческой работы зависит творчество, зависит судьба произведения искусства!

А директору кинотеатра почему-то наплевать на то, что полфильма идет на колоннах. А техноруку почему-то наплевать, если динамики извергают звуки, которые в обществе не то что извергать, а даже слушать неприлично. Что же касается киномеханика, то ему уронить заслонку аппарата или перепутать части — это и вовсе раз плюнуть!

Всем понятно одно: кино — искусство синтетическое, делают его мастера самых разных специальностей. И в титрах фильма все они несколько утомительно, но справедливо перечисляются. Но всем должно быть понятно и другое: фильм делают не только те, кто его снимает, но и те, кто его показывает. Такое уж это искусство — кино!

От третьего, который далеко не лишний и от которого, хоть и не числится он в штате творческих работников, тоже совершенно необходимо требовать ТВОРЧЕСТВА. Потому-то и пишем мы этого Третьего с равноправной большой буквы, как Художника и Зрителя. Потому-то и говорим мы обо всем этом.

Мы говорим... А в городе Харькове в одноименном кинотеатре по-прежнему скачут три мушкетера: один — на экране, двое — на колоннах.

Т. ТУМАРИНСОН

ЭПИТАФИЯ СКАНДАЛИСТКЕ

Всю жизнь
Скандалила в квартире,
Входила в кухню,
Словно в тир...
Теперь она в загробном
мире...
И очень жаль
Загробный мир.

ЭПИТАФИЯ БЮРОКРАТУ

Его лишь раз попутал бес
Во время делопроизводства:
Он умер,
Сделав это
Без
Распоряженья руководства.

МЕНЮ

Три строки,
Но каждая строка
Создана не на день —
На века.

г. Ленинград

Владимир ДОМРИН

Иронизмы

ПОПРОШАЙКА И СТИЛЯГА

Стиляга взгляд презрительный
скосил:
«Я сам у папы целый день
просил!»

ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Сомненья его одолели.
Всего опасаясь вокруг,
На случай потопа
в портфеле
Он носит спасательный круг!

К. БЕРЕГОВ

В мире вещей

МОЧАЛКА

Одна мечта владеет ею:
Кому б еще намылить шею!

ВЕНИК

Стоит в углу и смотрит косо
На гладкий корпус пылесоса.

ЮЛА

Усвоила плутовка с детства:
Коль хочешь жить —
умей вертеться.

КРАСНЫЙ КАРАНДАШ

— Со мной полегче,
попрошу.
Я р-резолюции пишу!

СТАРАЯ МЯСОРУБКА

Нож затупился, стерся винт,
Лежит без дела, заржавелая,
И все же скрипнуть норовит:
— Вот я из вас
котлету сделаю!

— А здесь проходил путь из варяг в греки!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Г. НИКОЛАЕВА

Рассказ

Тогда гражданка развернулась и...

Молодая симпатичная гражданка стояла на остановке. Вскоре подошел автобус, и три плечистых джентльмена бросились оттирать гражданку от входа.

Тогда гражданка развернулась и...

Два джентльмена оказались на тротуаре, третий, повизгивая, кинулся в конец очереди. Гражданка спокойно села в автобус и уехала.

Гражданка сошла через три остановки и заглянула в магазин. За прилавком над рыже-синими ошметками мяса одиноко томился продавец. Покосившись на гражданку одним глазом, он бухнул на весы громадную пожелтевшую кость со случайно прилипшим к ней кусочком мякоти и, меланхолично поглядев на потолок, изрек: «Три пятьдесят в кассу...»

Тогда гражданка развернулась и...

Держась за скулу, продавец ринулся в подсобку и молниеносно выскочил оттуда в снежно-белом халате. Невероятно чистыми руками он положил на весы отличный кусок вырезки, добавил к нему извлеченную из-под прилавка аппетитную сахарную косточку, завернул покупку в непромокаемую бумагу и с поклоном вручил гражданке.

Гражданка вышла из магазина и направилась домой. Навстречу ей вывалился из переулка нечесаный детина. «Гы-ы!» — общительно сказал детина, снисходительно намереваясь обнять гражданку.

Тогда гражданка развернулась и...

Размазывая грязные слезы по вспухшему носу и заверяя, что больше не будет, детина галантно подхватил сумку гражданки, проводил ее до парадного и предупредительно распахнул дверь.

Дома гражданка написала обо всем происшедшем рассказ и отнесла его в редакцию. Редактор прочитал рукопись и, не поднимая глаз, спросил замогильным голосом:

— Ну и что вы этим хотели сказать? Что надо давать в морду всем хамам, наглецам и вообще всем, кто поступает не так, как следует? Это, знаете ли, не метод!

— Так ведь действует! — убежденно откликнулась гражданка.

— Мало ли что! — недовольно отмахнулся редактор.— И вообще, все это фантастика: где вы найдете столько женщин, умеющих драться?! Нет, это мы печатать не будем...

Тогда гражданка развернулась и...

г. Москва.

Рисунок М. БИТНОГО

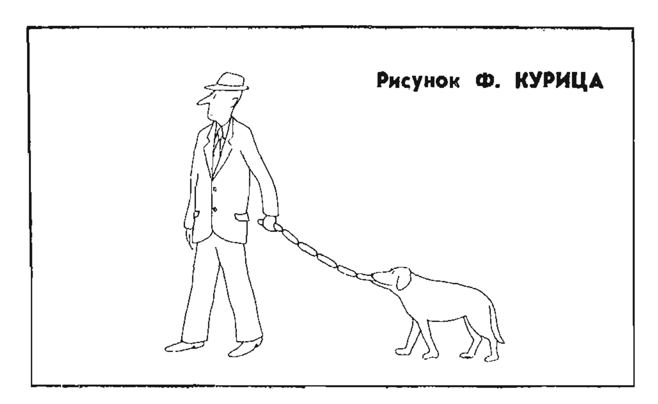

Рисунок Ф. КУРИЦА

Вл. КАПНИНСКИЙ

ДОКЛАД И СОКРАТ

Докладчик сыпал рой цитат
И, повторяя их стократ,
Ссылался: — Как сказал Сократ...
Что ж, за такой доклад оплату
Начислить надо бы Сократу.

«Состоится лекция на тему «Любовь глазами врача» с 7 часов вечера».

(Объявление в клубе).

Прислала Е. Долгова, г. Чусовой.

«Я была замужем, но муж исчез в просторах нашей родины».

«Мы, как и все люди, проживающие здесь, построились самозахватом».

«Мною был выращен полуторагодовалый хряк, который был съеден вместе с ответчиком».

«Этот седьмой в моей жизни рассказ я написала от страха и потрясения».

Собрала В. Карасева.

«С работы я пришел поддамши и, зачем избил корову соседа, ответить затрудняюсь».

(Из объяснения).

Копию снял Г. Вознесенский, г. Нарва.

«Передовой электросварщик взял обязательство выполнить личную пятилетку досрочно, за четыре с половиной года и шесть месяцев».

(Из многотиражной газеты).

Прислал А. Иванов, г. Хабаровск.

Прислал М. Медзюнас, г. Таллин.

«Архангельский драмтеатр им. М. В. Ломоносова
30 мая — Бал — встречи белых ночей.
В программе:
Ансамбль цыган «Идущие за солнцем».

Газета «Правда Севера».

«Выезжали на вызов... по заявлению гр. Волковой. Вызов ложный — муж трезвый, жена пьяная».

Списал А. Лейни, г. Белово, Кемеровской области.

«Специалисты селекционировали спортсменов для сборной команды области».

Газета «Березниковский рабочий»

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Морис РЕНЬЕ (Франция)

ТОПОЛЬ ПО МЕРКЕ

Уважаемые дамы и господа!

Позвольте обратить ваше внимание на мой роскошный костюм. Признаюсь, мне повезло с портным. Он сказал мне:

— Вы счастливчик. У меня еще остался небольшой запасец материала... Последний крик современной текстильной промышленности... Я одену вас так, что вы останетесь довольны... Это же вегеталоза! Чудо современной синтетики!

Разумеется, пришлось хорошо заплатить, но зато это вещь! Это же тополь! Не елка, не платан, а тополь чистой шерсти, то бишь чистого волокна, я хотел сказать. Нитки из лыка, подкладка из фанеры... Мне так понравился костюм, что я захватил домой два кубометра, пардон, два отреза про запас... Когда я за них платил, продавец все расхваливал:

— С таким материалом вы спокойны! Он не тонет. А если в засуху будете осторожны со спичками, вы обеспечены минимум на пять лет!

И вот смотрите, я ношу костюм уже три года, а он как новый. Он скроен с помощью ленточной пилы! Костюм весь на шарнирах и сколочен гвоздями вручную! У этого костюма лишь один недостаток — хотя он непотопляем, но влаги боится. Продавец предупредил меня.

— Будьте осторожны,— сказал он мне,— эта ткань имеет досадную тенденцию съеживаться от дождя. Вы выходите в длинных брюках, но вот хлынул ливень, и вы возвращаетесь в шортах! Но если вы начеку, при первых же каплях дождя вы снимаете брюки, суете их под мышку и бежите с криком: «Спасайте мебель!»

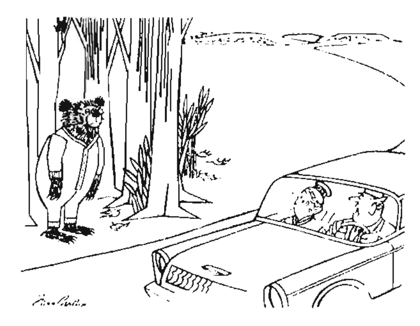
Если не думать о таких мелочах, то это лучшее из того, что сейчас носят...

А весной наши костюмы оживают, на них распускаются почки, зеленеет свеженькая листва. Кстати, вместе с костюмом вы получаете рубанок и садовые ножницы.

Это действительно нужные вещи. Сегодня утром я, например, обрезал ветки на моем жилете! А в левом рукаве пиджака обнаружил воронье гнездо

Немного терпения, чуточку удобрений в карман пиджака — и к зиме он разрастается в пальто. Неплохо, а?

Вот это прогресс!

— Это верная примета холодной зимы.

«Сатердей ивнинг пост», США.

Януш ОСЕНКА (Польша)

Очередь

ПЕРВЫЙ. Простите, можно узнать у вас, почему вы здесь стоите?

ВТОРОЙ. Я стою в очереди.

ПЕРВЫЙ. В очереди? Но я не вижу тут никакой очереди. Стоите только вы один.

ВТОРОЙ. Я стою один, так как я первый.

ПЕРВЫЙ. Интересно... Почему же очередь на пустом месте?

ВТОРОЙ. Сейчас место пустое, но город-то растет. Наверняка здесь что-нибудь построят.

ПЕРВЫЙ. А что здесь будет построено?

ВТОРОЙ. Этого я еще не знаю.

ПЕРВЫЙ. А если не знаете, зачем стоите в очереди?

ВТОРОЙ. Не знаю, трудно сказать. Но очередь занять не мешает. Может, построят какой-нибудь магазин. На открытие могут выкинуть дефицитные товары.

ПЕРВЫЙ. Но ведь не обязательно здесь будет магазин.

ВТОРОЙ. Разумеется. Может быть, и какое-нибудь учреждение. Тогда удастся первым уладить в нем свои дела.

ПЕРВЫЙ. Хорошо, а если на этом месте ничего не построят?

ВТОРОЙ. О, на этот случай я также себя обезопасил. Я уже занял очередь еще в нескольких таких местах...

— Сейчас, сейчас, мосье, уже несу!

«Пари матч», Франция.

Франц КРУМЕЛЬ (ФРГ)

Вокруг крючка

Возвращаясь с рыбалки, подумали ли вы о рыбе, которая, вернувшись в свою семью, будет врать о величине рыбака, от которого она ушла?

* * *

Нигде научно не доказано, что рыбная пища способствует улучшению умственной деятельности. Но, слушая рассказы рыбака, можно с уверенностью сказать, что рыбная ловля стимулирует развитие фантазии.

* * *

Рыбаков можно разделить на две основные категории:

те, кто рыбачит для удовольствия,

те, кто что-нибудь ловит.

* * *

Рыба очень быстро растет. Она трижды увеличивается в размере с того момента, когда ее поймали, до момента, когда счастливый рыбак описывает ее своему другу.

* * *

Большинству людей великие свершения удавались тогда, когда они были в одиночестве. Один из примеров: рыбаки.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Выборы в Южном Вьетнаме. Каждый избиратель получает запечатанный конверт и под охраной двух дюжих полицейских опускает конверт в урну. Но нашелся один отчаянный избиратель, который попытался распечатать конверт.

— Что ты делаешь? — крикнул на него полицейский.

— Как что! Должен же я знать, за кого голосую!

— О несчастный! Неужели ты не знаешь, что при подлинной демократии выборы тайные!

●

— Ты вчера был в клубе?

— Нет, моя жена решила, что мне не хочется туда пойти.

●

— Папа, можно мне сегодня пойти в кино?

— Нельзя! Позавчера тебе прививали оспу, вчера рвали зуб, а сегодня ты уже хочешь в кино. Не слишком ли много развлечений за одну неделю?!

●

— Вчера я опять видела, как ты выходил из кабака.

— Не сидеть же мне там безвыходно!

— О фараон! Эти двое не хотят таскать камни. Говорят, что они футболисты...

Рисунок А. АНДРОНИКА (Румыния)

КРОКОДИЛ

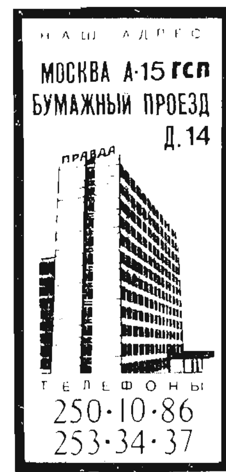
№ 28 (2002)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Битный, О. Евгеньев, В. Жаринов, Ф. Куриц, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Черепанов, А. Чикарьков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 20/IX 1971 г. А 00621. Подписано к печати 29/IX 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 644 460). Изд. № 1977. Заказ № 1916.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

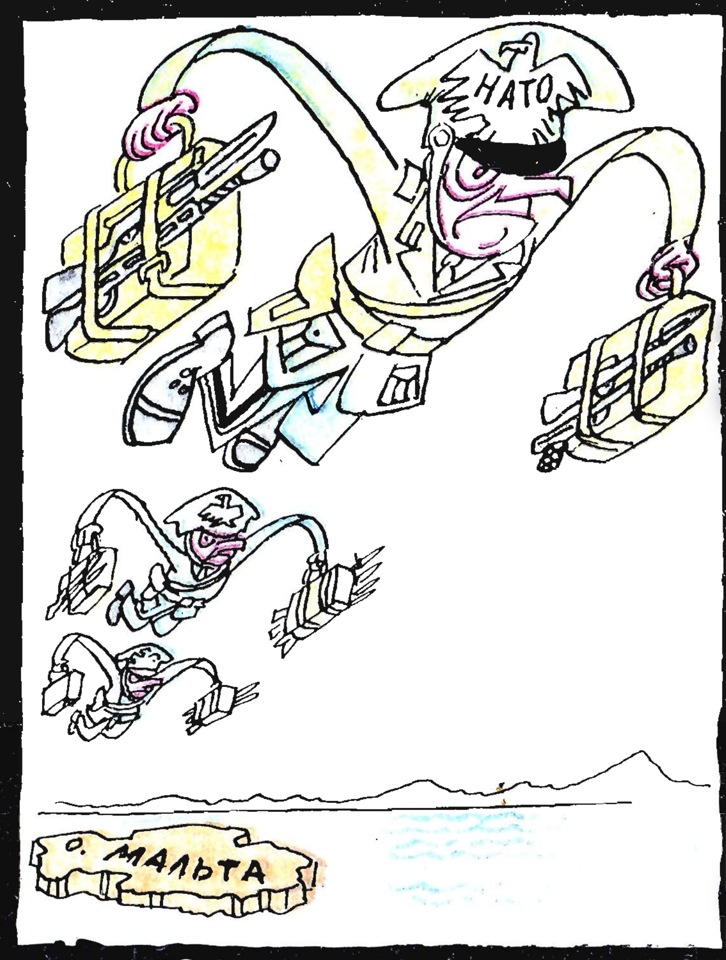
Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

УЖ НЕБО ОСЕНЬЮ ДЫШАЛО...

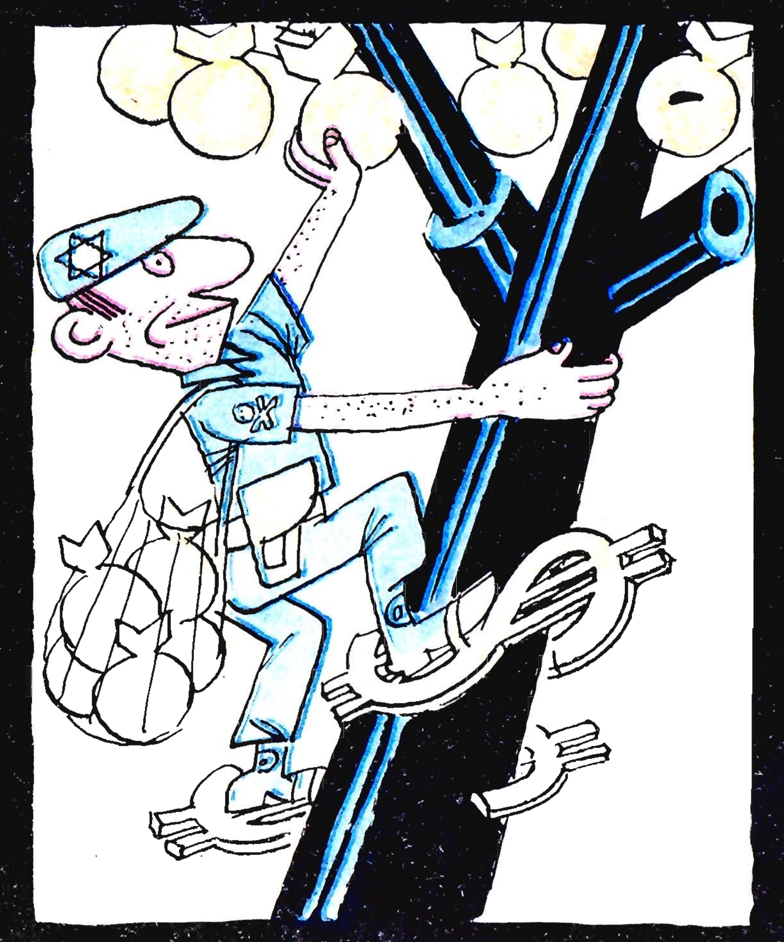
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Дождливый сезон в Южном Вьетнаме

НАТОвские перелетные птицы

Сбор плодов в Израиле

Листопад на американской бирже